

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Анатоль Франс Прокуратор Иудеи

Элий Ламия, уроженец Италии, отпрыск прославленного семейства, отправился в Афины изучать философию в том возрасте, когда юные патриции еще носят претексту¹. Вернувшись в Рим, Ламия поселился на Эсквилинском холме и, окружив себя такими же, как он сам, молодыми распутниками, предался всем наслаждениям жизни. Уличенный в преступной связи с Лепидой, супругой бывшего консула Сульпиция Квирина, он был изгнан цезарем Тиберием из Рима.

Элию Ламии шел тогда двадцать четвертый год. За восемнадцать лет изгнания он изъездил Сирию, Палестину, Каппадокию, Армению и подолгу жывал в Антиохии, Кесарии, Иерусалиме. Когда после смерти Тиберия императором стал Кай, Ламии было разрешено вернуться в Вечный город. Ему даже удалось получить назад часть своего имущества. Превратности судьбы умудрили его.

Он чуждался женщин легкого поведения, не искал почета, не стремился к высоким должностям и уединенно жил в своем доме на Эсквилине, прилежно описывая все примечательное, что ему удалось повидать во время дальних странствий; так он, по собственным его словам, украшал свое настоящее бедами прошедшего. Погруженный в эти мирные занятия и усердное изучение трудов Эпикура, Ламия с некоторым удивлением и легкой грустью обнаружил, что к нему приблизилась старость. На шестьдесят втором году жизни, страдая весьма мучительным ревматизмом, он отправился на воды в Байи. Это побережье, милое некогда морским ласточкам, в ту пору, о которой идет речь, привлекало к себе богатых и падких до развлечений римлян. Никого не зная в их блистательной толпе, Ламия первую неделю прожил в полном одиночестве. Однажды после обеда, почувствовав прилив бодрости, он решил побродить по холмам, вздымающимся над морем и, подобно вакханкам, увитым виноградными лозами.

Достигнув вершины какого-то холма, он сел на обочине тропинки под терпентиновым деревом и погрузился в созерцание прекрасного пейзажа. Слева, до самых кумских развалин, простирались свинцово-серые бесплодные Флегрейские поля. Справа Мизенский мыс, как острая шпора, вонзался в Тирренское море. Внизу, несколько к западу, следуя изящному изгибу побережья, раскинулись богатые Байи — украшенные статуями виллы, сады, портики, мраморные террасы, спускающиеся к синим волнам, где резвились дельфины. Прямо перед Ламией, по ту сторону залива, золотилась в лучах уже заходящего солнца Кампанья, сверкали храмы, над которыми высились лавры Паузилиппона², а на самом горизонте ласкал взоры Везувий.

Ламия вынул из складок тоги свиток и, растянувшись на земле, собрался приступить к чтению «Трактата о природе»³, но, услышав окрики одного из рабов, тащивших в гору

¹ Претекста — белая тога, окаймленная пурпурной полосой, которую носили в Древнем Риме до достижения совершеннолетия юноши из знатных семей.

² Паузилиппон (ныне Позилиппо) — местность и грот неподалеку от Неаполя, где находилась вилла «Паузилиппон» (по-гречески — «Без забот»).

³ «Трактат о природе» — имеется в виду дидактическая поэма Тита Лукреция Кара, римского поэта и философа-материалиста I века до нашей эры «О природе вещей», представляющая собой популяризацию

носилки, принужден был встать и сойти с узкой, обсаженной виноградом тропы. Занавеси были отдернуты, и Ламия увидел откинувшегося на подушки тучного старца, который, подперев голову рукой, сумрачно и надменно смотрел вдаль. Его орлиный нос загибался к губам, подбородок и мощные челюсти резко выдавались вперед.

Этот человек сразу же показался Ламии знакомым. Он секунду колебался, стараясь вспомнить его имя, потом внезапно бросился к носилкам.

— Понтий Пилат! — радостно и удивленно воскликнул он. — Хвала богам, мне вновь довелось увидеть тебя!

Старик, знаком остановив рабов, внимательно посмотрел на незнакомца, приветствовавшего его.

— Понтий, гостеприимный мой хозяин! — продолжал тот. — За двадцать лет волосы мои так поседел, а щеки ввалились, что ты больше не узнаешь своего Элия Ламию.

Услышав это имя, Понтий Пилат с поспешностью, допускаемой его старческими немощами и грузным телосложением, сошел с носилок и дважды облобызал Элия Ламию.

— Я от всего сердца рад нашей встрече, Ламия, — сказал он. — Увы! Ты напоминаешь мне те давние дни, когда я был прокуратором Иудеи в провинции Сирии. Тридцать лет прошло с тех пор, как я впервые увидел тебя. Это было в Кесарии, куда ты приехал, пытаясь развеять тоску изгнания. Мне удалось немного смягчить ее, и ты из дружеских чувств последовал за мной в Иерусалим, где иудеи наполнили мое сердце горечью и отвращением. Более десяти лет ты был моим гостем и другом; наши беседы о Вечном городе скрашивали тебе — твоё несчастье, мне — мое высокое положение.

Ламия снова обнял его:

— Ты не все сказал, Понтий. Ты умолчал о том, что употребил в мою пользу свое влияние на Ирода Антипу и вдобавок великодушно открыл мне свой кошелек.

— Об этом не стоит говорить, — ответил Понтий, — ибо, вернувшись в Рим, ты немедленно отослал мне с вольноотпущенником такую сумму, которая с избытком покрыла все, что ты у меня взял.

— Я считаю, Понтий, что никакие деньги не могут покрыть мой долг тебе. Но скажи мне, исполнились ли, по милости богов, твои желания? Наслаждаешься ли ты столь заслуженным тобою счастьем? Поведан мне о своем семействе, о здоровье и судьбе.

— Я удалился на покой в Сицилию, выращиваю там на своих землях пшеницу и продаю ее. Моя старшая дочь, моя дорогая Понтия, овдовела и, поселившись у меня, ведет все хозяйство. Благодарение богам, разум мой не угас, память не ослабела. Но старость всегда приходит в сопровождении множества невзгод и болезней. Меня жестоко терзает подагра, и ты встретил меня здесь потому, что я приехал искать в этих местах исцеления своего недуга. Раскаленные Флегрейские поля, где по ночам из земли вырывается пламя, источают жгучие серные пары, которые будто бы утоляют боли в суставах и возвращают им гибкость. Так, по крайней мере, утверждают врачи.

— Да помогут тебе боги убедиться в этом на собственном опыте, Понтий! Но, несмотря на подагру и ее ядовитое жало, ты выглядишь моим сверстником, а ведь ты на десять лет старше меня. Даже в лучшие свои годы я не был так бодр, как ты сейчас, и я счастлив, видя тебя в таком цветущем состоянии. Объясни же мне, дорогой друг, почему ты преждевременно отказался от общественных должностей? Почему, по окончании срока твоего правления в Иудее, ты поселился на сицилийских землях и обрек себя добровольному изгнанию? Расскажи мне, какие события произошли в твоей жизни с тех пор, как я перестал быть их свидетелем. Когда я уехал в Каппадокию, где надеялся поправить свои дела, занявшись разведением лошадей и мулов, ты как раз готовился подавить восстание самаритян. С того времени я больше тебя не видел. Удалось ли тебе их усмирить? Расскажи мне, поделись со мной. Меня интересует все, что касается тебя.

Понтий печально покачал головой:

— Побуждаемый заботой об общем благе и чувством долга, я исполнял свои обязанности не только с рвением, но и с любовью. И все же меня неустанно преследовала ненависть. Интриги и клевета надломили мою жизнь, когда она была в полном соку, и не дали созреть принесенным ею плодам. Ты спрашиваешь меня о восстании самаритян. Сядем сюда на пригорок. Я буду немногословен. Эти события я помню так отчетливо, словно они случились вчера.

Некий плебей, наделенный даром красноречия (а таких в Сирии немало), уговорил самаритян собраться с оружием в руках на горе Гаризим, почитаемой жителями этой страны, предварительно пообещав им показать священные сосуды, которые иудейский герой, вернее — полубог, Моисей спрятал там в древние времена Эвандра⁴ и нашего праотца Энея⁵. Подстрекаемые его обещанием, самаритяне взбунтовались. Но мне заранее донесли обо всем и я отдал приказ отрядам пехоты занять гору, а всадникам — охранять подступы к ней.

Эти меры предосторожности оказались своевременными. Бунтовщики уже осадили городок Тирахабу у подножия горы Гаризим. Я легко рассеял их и подавил восстание в самом зародыше. Потом, дабы не проливая крови введенных в обман, вместе с тем проучить мятежников, я приказал казнить главарей заговора. Но, Ламия, тебе хорошо известно, в каком подчинении держал меня проконсул Вителлий, который, управляя Сирией не для блага Рима, а во вред Риму, считал, что тетрархи могут хозяйничать в римской провинции, как в собственном поместье. Вожди самаритян, припав к его стопам, излили ему свою ненависть ко мне. По их словам, у них и в помыслах не было нарушить долг верности цезарю. Это я был повинен во всем, и Тирахабу они окружили только для того, чтобы воспротивиться моей жестокости. Вителлий внял их жалобам и, поручив дела Иудеи своему другу Марцеллу, приказал мне ехать в Рим и представить оправдания императору. Снедаемый горем и обидой, я отплыл в Рим. Когда я достиг берегов Италии, Тиберий, утомленный бременем лет и власти, умер на Мизенском мысе, чей длинный рог, окутанный вечерней дымкой, виден с этого холма. Я искал правосудия у Кая, его преемника, наделенного живым умом и тонко разбиравшегося в сирийских делах. Но, Ламия, подивись упорству, с которым судьба стремилась меня погубить. Кай в то время был неразлучен с иудеем Агриппой, другом своего детства, человеком, которым он дорожил, как зеницей ока. Агриппа же покровительствовал Вителлию, потому что Вителлий враждовал с ненавистным Агриппе Иродом Антипой. Император внял наветам своего дражайшего азиата и не пожелал даже выслушать меня. Пришлось мне примириться с незаслуженной немилостью. Подавив рыдания, я удалился, исполненный горечи, в свое сицилийское поместье, где умер бы от скорби, если бы моя кроткая Понтия не поспешила туда, чтобы утешить своего отца. Я сею пшеницу и снимаю самые обильные во всей провинции урожаи. Моя жизнь близится к концу. Пусть же потомки рассудят нас с Вителлием.

— Понтий, — ответил Ламия, — я убежден, что по отношению к самаритянам ты действовал со свойственной тебе прямоотой и единственно в интересах Рима. Но не поддавался ли ты и в этом случае одному из тех порывов необузданного гнева, которым ты никогда не мог противостоять? Хотя я моложе тебя и, стало быть, моя кровь была тогда горячее твоей, однако ты, конечно, помнишь, что я не раз советовал тебе проявлять к иудеям милосердие и кротость.

— Кротость по отношению к иудеям! — воскликнул Понтий Пилат. — Плохо же ты знаешь этих врагов рода человеческого, хотя и прожил немало лет в их стране. Высокомерные и раболепные, сочетающие отвратительную трусость с тупым упрямством, они одинаково недостойны как ненависти, так и любви. Ламия, мой ум сформировался под

⁴ Эвандр (Евандр) — герои италийских сказаний, за 60 лет до Троянской войны основавший колонию на Палатинском холме — одном из семи холмов, на которых стоит Рим.

⁵ Эней (*антич. миф.*) — один из главных защитников Трои во время Троянской войны; легендарный родоначальник римлян.

влиянием принципов божественного Августа. В ту пору, когда я был назначен прокуратором Иудеи, величие Римской империи уже умиротворило народы. Времена наших гражданских распрей были позади, и проконсулы уже не смели грабить провинции во имя личной выгоды. Я знал свой долг. Мною руководила одна лишь мудрая умеренность. Беру богов в свидетели: упорствовал я лишь в кротости. Но что получил я в награду за свои благие намерения? Ламия, ты видел меня, когда в самом начале моего правления разразился первый бунт. Ты, несомненно, хорошо помнишь все, что тогда произошло. Гарнизон Кесарии готовился расположиться на зимние квартиры в Иерусалиме. Знамена легионеров были украшены изображениями цезаря. Это зрелище оскорбило жителей Иерусалима, не признававших божественности цезаря, хотя раз уже нельзя не повиноваться, то не почетнее ли повиноваться богу, чем человеку? В мое судилище пришли священники и с надменным смирением стали просить о том, чтобы я повелел вынести знамена за пределы святого города. Движимый уважением к божественной особе цезаря и к величию империи, я отверг прошение. Тогда чернь, присоединившись к священникам, собралась у претория и начала оглашать воздух угрожающими выкриками. Я приказал воинам составить копья пирамидой возле башни Антония, вооружиться, наподобие ликторов, связками прутьев и секирами и разогнать наглый сброд. Но иудеи продолжали взывать ко мне, невзирая на свистящие лозы, а самые упрямые ложились на землю и, обнажив грудь, умирали под розгами. Ты был тогда свидетелем моего унижения, Ламия. По распоряжению Вителлия я должен был отправить знамена назад в Кесарию. Что говорить, я не заслужил такого позора. Клянусь бессмертными богами, за все время моего правления я ни разу не нарушил закона и справедливости. Теперь я состарился. Моих врагов и хулителей нет в живых. Я умру неотомщенным. Кто обелит мое имя? Он застонал и умолк.

— Мудрость повелевает нам не страшиться туманного грядущего и не возлагать на него никаких надежд, — ответил Ламия. — Какое нам дело до того, что подумают о нас люди? Кого, кроме самих себя, можем мы взять в судьи и свидетели своих деяний? Почерпни же спокойствие в сознании собственной добродетели, Понтий Пилат. Удовольствуйся тем, что ты сам себя уважаешь и что тебя уважают твои друзья. К тому же нельзя управлять народами с помощью одной лишь кротости. У человеколюбия, проповедуемого философией, мало общего с деятельностью государственных мужей.

— Отложим этот разговор, — сказал Понтий. — Серные испарения, источаемые Флегрейскими полями, обладают большей силой, когда вырываются из земли, нагретой лучами солнца. Мне надлежит поторопиться. Прощай. Но раз уж мне посчастливилось встретить здесь друга, я хочу воспользоваться этой удачей. Элий Ламия, окажи мне честь и отужинай со мной завтра. Мой дом стоит у самого моря, на окраине города со стороны Мизенского мыса. Ты легко распознаешь его по портику, над которым живописец изобразил Орфея, укрощающего львов и тигров звуками лиры.

— До завтра, Ламия, — повторил он, всходя на носилки. — Завтра мы вернемся к разговору об Иудее.

На следующий день, когда настало время ужина, Ламия отправился к Понтию Пилату. В триклинии⁶ были приготовлены только два ложа. На столе, убранном красиво, но без излишней роскоши, стояли серебряные блюда с лесными жаворонками в меду, певчими дроздами, лукринскими устрицами и сицилийскими миногами. Во время еды Понтий и Ламия расспрашивали друг друга о болезнях, жертвами которых стали, обсуждали их признаки и делились запасом сведений о разных целебных средствах против этих недугов. Затем, выразив радость по поводу своей встречи в Байях, они начали наперебой хвалить чистоту воздуха и красоты побережья. Ламия восхищался изяществом куртизанок, которые прогуливались по взморью, выставляя напоказ золотые украшения и длинные расшитые

⁶ Триклиний — зал (столовая), где, возлегая, по обычаю, на ложах, ели древние римляне.

покрывала, привезенные из варварских стран. Но старый прокуратор горько сетовал на расточителей, которые — ради бесполезных каменьев, ради тканей, похожих на паутину, хотя выткали их люди, — швыряли римские деньги и позволяли им уплывать в чужеземные края, порою враждебные. Потом они заговорили об огромных работах, проведенных в этой местности, о поразительном мосте, которым Кай соединил Путеолы с Байями, о каналах, прорытых Августом и подводящих морские воды к Авернскому и Лукринскому озерам.

— Я тоже собирался предпринять большие работы, которые принесли бы пользу населению, — со вздохом сказал Понтий. — Когда меня, на мое несчастье, назначили прокуратором Иудеи, я решил построить акведук длиной в двести стадий⁷, дабы обильно снабдить Иерусалим чистой водой. Я изучил все, что касается высоты уровней, емкости резервуаров, уклонов стенок медных водосборников, к которым подводятся распределительные трубы, и, посоветовавшись с механиками, сам разработал план. Я подготовил правила для речной стражи, призванной следить за тем, чтобы ни одно частное лицо не могло незаконно пользоваться орошением. Я выписал зодчих и рабов и уже отдал приказ приступить к работам. Но вместо того чтобы с удовлетворением взирать на акведук, который, покоясь на мощных арках, должен был вместе с водой принести здоровье в Иерусалим, иудеи подняли горестный вой⁸. Беспорядочная толпа, вопя о святотатстве и богохульстве, напала на строителей и разрушила каменный фундамент. Видел ты когда-нибудь, Ламия, более гнусных варваров? А вот Вителлий внял их жалобам и приказал мне прекратить работы.

— Большой вопрос, следует ли оказывать людям благодеяния против их воли, — заметил Ламия. Не слушая его, Понтий Пилат продолжал:

— Отказаться от акведука, какое безумие! Но все, что исходит от римлян, противно иудеям. Они считают нас нечистыми, и самое наше присутствие в Иерусалиме кажется им кощунством. Тебе известно, что, боясь осквернить себя, они не входили в преторий и что я был вынужден править суд под открытым небом, на мраморных плитах, по которым так часто ступали твои сандалии.

Иудеи боятся нас и презирают. Между тем разве Римская империя не покровительница, не мать всех народов, которые, улыбаясь, покоятся на ее благословенной груди? Наши орлы⁹ принесли мир и свободу на самые глухие окраины земли. Рассматривая побежденных лишь как своих друзей, мы предоставляем и обеспечиваем завоеванным народам право жить по их собственным законам и обычаям. Разве Сирия, которую в былые времена терзали распри бесчисленных царей, не начала вкушать покой и благоденствие только после того, как ее покорил Помпей? Разве Рим покусился на сокровища, которыми изобилуют храмы варваров, хотя он мог бы потребовать золота взамен своих милостей? Разве отнял он хоть что-нибудь у Великой матери богов в Пессинунте, у Юпитера в Моримене и Киликии, у иудейского бога в Иерусалиме? Антиохия, Пальмира, Апамея наслаждаются полным спокойствием и, более не страшась арабов, жителей пустыни, воздвигают храмы в честь Гения¹⁰ — покровителя Рима

⁷ Стадия (или стадий) — древнегреческая мера длины (около 200 метров).

⁸ ...иудеи подняли горестный вой. — Деньги на строительство акведука Понтий Пилат взял из фондов храма. По подстрекательству священников в городе вспыхнул мятеж, во время которого по приказу Понтия Пилата очень многие, как свидетельствует Иосиф Флавий, были убиты или изувечены.

⁹ Наши орлы... — Орел был военным значком римского легиона, Помпей Великий, Гней (106—48 до нашей эры) — римский полководец и политический деятель; в 64 году до нашей эры объявил Сирию римской провинцией и без сопротивления занял ее.

¹⁰ Гений (*рим. миф.*) — добрый дух, хранитель человека. Своего гения-покровителя имели города, семьи, общины и народы. На форуме в Риме стояла статуя гения Римского государства в виде мужчины в венке, с рогом изобилия и скипетром в руках.

и в честь божественной особы императора. Одни только иудеи ненавидят нас и смеют бросать нам вызов. Они платят дань лишь по принуждению и упрямо уклоняются от военной службы.

— Иудеи, — возразил Ламия, — очень привержены к своим древним обычаям. Они подозревали тебя в том, что ты хочешь уничтожить их законы и изменить нравы. Эти подозрения были неосновательны, я согласен, но позволь мне все же сказать тебе, Понтий, что не всегда ты действовал так, чтобы рассеять это печальное заблуждение. Порою тебе словно нравилось разжигать гнев иудеев, и не раз при мне ты открыто проявлял презрение к их верованиям и богослужению. Особенно ты злил их тем, что приставил охрану из легионеров к башне Антония, где хранились одежда и украшения, которые иудейский первосвященник должен был носить в храме. Хотя, в отличие от нас, иудеи не достигли высот истинной веры, но все же таинства их религии весьма почтенны хотя бы уже одной своей древностью.

Понтий Пилат пожал плечами.

— Они не понимают, — сказал он, — сущности богов. Они поклоняются Юпитеру, но он не имеет у них ни имени, ни образа. Они не способны изобразить его даже в виде простого камня, как это делают некоторые азиатские народы. Они не ведают Аполлона, Нептуна, Марса, Плутона, не ведают ни одной из богинь. Впрочем, мне кажется, что когда-то они поклонялись Венере, так как и донныне иудейские женщины приносят на жертвенный алтарь горлиц, и ты знаешь не хуже меня, что торговцы, стоя под портиком храма, продают этих птиц попарно для жертвоприношений. Однажды мне даже донесли, что какой-то одержимый изгнал из храма этих торговцев¹¹. Священники принесли жалобу на него, как на осквернителя святыни. Я думаю, что обряд принесения в жертву голубок сохранился с тех пор, когда иудеи почитали Венеру. Почему ты смеешься, Ламия?

— Я смеюсь потому, — сказал Ламия, — что мне в голову вдруг взбрела забавная мысль. Я подумал, что в один прекрасный день иудейский Юпитер явится в Рим и начнет преследовать тебя своей ненавистью. Почему бы и нет? Азия и Африка подарили нам уже многих своих богов. В Риме воздвигнуты храмы в честь Изиды¹² и собакоголового Анубиса¹³. На перекрестках и даже на ристалищах мы видим изображение доброй богини сирийцев¹⁴, восседающей на осле. И ты не можешь не знать о том, что во время принципата¹⁵ Тиберия некий юный всадник выдал себя за рогатого Юпитера египтян¹⁶ и добился в таком обличье благосклонности одной знатной матроны, слишком

¹¹ ...какой-то одержимый изгнал из храма этих торговцев. — Намек на евангельскую легенду об изгнании Иисусом торговцев из Иерусалимского храма.

¹² Изида (Исида) — в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса, мать Гора, олицетворение верности и материнства, богиня плодородия, воды и волшебства; изображалась с головой или рогами коровы.

¹³ Анубис — древний египетский бог — покровитель мертвых; изображался в облике волка, шакала или человека с головой шакала (собаки).

¹⁴ Добрая богиня сирийцев. — Речь идет о сирийской богине (Сириа Деа), культ которой имеет сирийско-финикийское происхождение; в нем смешались образы различных богинь.

¹⁵ Принципат — существовавшая с 27 до нашей эры по 193 год нашей эры форма рабовладельческой монархии в Древнем Риме, при которой еще сохранялись некоторые республиканские традиции, но фактическая власть принадлежала одному человеку — принцепсу, то есть первому в списке сенаторов.

¹⁶ ...за рогатого Юпитера египтян... — Согласно античному преданию, этот римлянин выдал себя за Анубиса, не имевшего, однако, рогов. «Рогатый Юпитер египтян» — древний египетский бог Осирис, бог умирающей и воскресающей природы; изображался с головой быка.

добродетельной, чтобы отказать в своих милостях богу. Смотри, Понтий, как бы незримый Юпитер иудеев не вздумал высадиться в Остии¹⁷!

При мысли о том, что в Рим может прийти бог из Иудеи, суровый прокуратор сдержанно улыбнулся. Потом он сказал уже вполне серьезно:

— Как могут иудеи распространить свою веру среди других народов, если они не способны договориться между собой об едином ее толковании и разделены на десятки враждующих сект? Ты видел их, Ламия, когда, собравшись на площадях и не выпуская из рук свитков, они бранились и таскали друг друга за бороды. Ты видел их у колоннады храма, когда, окружив какого-нибудь безумца, охваченного пророческим бредом, они разрывали на себе в знак скорби засаленные одежды. Иудеи не представляют себе, что можно спокойно и безмятежно обсуждать вопросы, касающиеся наших верований, вопросы, окутанные туманом и нелегко поддающиеся решению. Ибо сущность бессмертных богов скрыта от нас и нам не дано ее познать. Все же я думаю, что веровать в покровительство богов благоразумно. Но иудеям недоступна философия, и они не терпят различий во взглядах. Напротив, они считают достойным самой страшной казни всякого, кто не согласен с их вероучением. А поскольку с тех пор, как Рим покорил их страну, смертные приговоры, произнесенные иудейскими судами, могут быть приведены в исполнение только с согласия проконсула или прокуратора, то эти люди вечно надоедают правителям просьбами подтвердить их жестокие решения, и преторий гудит от кровожадных воплей. Сотни раз приходилось мне наблюдать, как богатые иудеи бок о бок с бедняками яростно бросались вслед за священниками к моим носилкам из слоновой кости и, теребя меня за край тоги, за ремни сандалий, выпрашивали, требовали казни какого-нибудь несчастного, который, по моему разумению, не совершил ничего преступного и просто был сумасшедшим — таким же сумасшедшим, как и его обвинители. Что я говорю — сотни раз! Это зрелище повторялось ежедневно, ежечасно. Подумать только: я был обязан исполнять их законы, как наши собственные, ибо Рим послал меня к ним не затем, чтобы ниспровергать, а затем, чтобы охранять их обычаи, и я был над ними как связка прутьев и секира. Вначале я пытался взывать к их разуму, силился уберечь жертву от казни. Но мое милосердие лишь разжигало иудеев: подобно стервятникам, они требовали своей добычи, хлопая вокруг меня крыльями и разевая клювы. Священники писали цезарю, что я попираю их законы, и эти жалобы, поддержанные Вителлием, навлекали на меня суровое порицание. Сколько раз мною овладевало желание собрать вместе обвиняемых и обвинителей и, по выражению греков, накормить ими воронов!

Не думай, Ламия, что я питаю бессильную ненависть и старческую злобу к этому народу, который, победив меня, победил в моем лице Рим и миролюбие. Просто я предвижу тяжкие беды, в которые рано или поздно нас ввергнут иудеи. Раз ими нельзя управлять, их придется уничтожить. Можешь не сомневаться: непокоренные, вечно бунтующие в глубине своих воспламененных сердец, они когда-нибудь поднимут против нас такой мятеж, по сравнению с которым гнев нумидийцев и угрозы парфян¹⁸ покажутся детскими забавами. Они втайне лелеют бессмысленные надежды и, как последние глупцы, замышляют повергнуть нас во прах. Да и может ли быть иначе, если, уверовав в какое-то предсказание, они ждут пришествия царя, своего соплеменника, который станет владыкой мира¹⁹?

¹⁷ Остия — город в устье реки Тибра, гавань Рима.

¹⁸ *...гнев нумидийцев и угрозы парфян...* — Нумидийцы — жители Нумидии, исторической области в Северной Африке (восточная часть современного Алжира), превращенной в 46 году до нашей эры в римскую провинцию; в 17 году они подняли восстание, которое удалось подавить только через 7 лет. Парфяне — иранское племя, образовали государство (250 до нашей эры — 224 г. нашей эры), занимавшее в период расцвета территорию от Двуречья до реки Инд; оно было главным соперником Рима на востоке.

¹⁹ *...ждут пришествия царя... который станет владыкой мира.* — В евангелиях содержатся красочные описания радостной экзальтации толпы, уверовавшей, что Иисус и есть тот мессия и новый царь израильский,

Справиться с этим народом невозможно. Его нужно уничтожить. Нужно стереть Иерусалим с лица земли. Как я ни стар, мне все же, быть может, будет дано дожить до того дня, когда стены его рухнут, дома запылают, жители погибнут²⁰ на остриях копий, а площадь, где прежде стоял храм, будет посыпана солью.

Ламия попытался смягчить тон беседы.

— Понтий, — сказал он, — мне нетрудно понять и твою обиду за прошлое и твою тревогу за будущее. Конечно, те черты характера иудеев, с которыми тебе пришлось столкнуться, говорят не в их пользу. Но я, живший в Иерусалиме как сторонний наблюдатель, я много сталкивался с ними, и мне довелось обнаружить в этих людях скромные достоинства, скрытые от твоих глаз. Я знал иудеев, исполненных кротости, иудеев, чистые нравы и верные сердца которых приводили мне на память сказания наших поэтов о старце из Эбалии²¹. Да и ты сам, Понтий, видел, как умирали под ударами твоих легионеров простые люди, которые, не называя своих имен, отдавали жизнь за дело, казавшееся им праведным. Такие люди отнюдь не заслуживают нашего презрения. Я говорю так потому, что всегда следует соблюдать беспристрастие и справедливость. Должен, однако, признаться, что все же я не чувствовал к иудеям особенного расположения. Зато иудейки мне очень нравились. Я был тогда молод, и сирийские женщины волновали мои чувства. Их пунцовые губы, влажный блеск их затененных глаз, их долгие взгляды приводили в трепет все мое существо. Эти женщины, набеленные и нарумяненные, умашенные нардом и миром, утопающие в благовониях, дарили редкостное и незабываемое наслаждение.

Понтий нетерпеливо слушал излияния Ламии.

— Не таким я был человеком, чтобы попасться в сети к иудейкам, — ответил он. — И уж если об этом зашла речь, то я должен тебе сказать, Ламия, что никогда не одобрял твоей неводержанности. Я считал, что, соблазнив жену бывшего консула, ты совершил тяжкий проступок, и не укорял тебя в те времена только потому, что ты и без того в полной мере искупал свою вину. Патриций должен свято чтить брак, ибо в браке источник мощи Рима. Что касается рабынь или чужеземок, то связь с ними простительна, если только наша плоть не заставляет нас при этом поддаваться постыдной слабости. Позволь мне тебе заметить, что ты приносил слишком много жертв на алтарь площадной Венеры. Особенно же я порицаю тебя, Ламия, за то, что ты не вступил в брак и не дал республике детей, тем самым нарушив долг, священный для каждого достойного гражданина.

Но изгнанный Тиберием грешник больше не слушал старого прокуратора. Осушив кубок фалернского вина, он улыбался какому-то незримому видению.

Немного помолчав, он вновь заговорил, сперва почти шепотом, затем все громче и громче:

— Как много неги в плясках сирийских женщин! Я знал в Иерусалиме одну иудейку²²: высоко подняв кимвал²³, вся изогнувшись, запрокинув голову, которую словно

пришествие которого принесет еврейскому народу освобождение от власти римлян.

²⁰ ...*дожить до того дня, когда стены его рухнут, дома запылают, жители погибнут...* — А. Франс вкладывает в уста Понтия Пилата пророчества грядущих событий: в 66–73 годах в провинции Иудее поднялось антиримское восстание, известное в истории как Иудейская война. После пятимесячной осады римляне, воспользовавшись междоусобной борьбой религиозных и политических группировок в Иудее, захватили и разрушили Иерусалим и Иерусалимский храм.

²¹ *Старец из Эбалии...* — Эбалия — поэтическое название города Тарента (современный Таранто) в Южной Италии. Вергилий в своей поэме «Георгики» («Поэма о земледелии», 36–29 гг. до н. э.) создал идиллический образ трудолюбивого старца из Тарента, живущего мирной, патриархальной жизнью.

²² *Я знал в Иерусалиме одну иудейку...* — намек на Марию Магдалину.

²³ Кимвал — древний музыкальный инструмент, состоящий из двух медных тарелок.

оттягивали назад густые рыжие волосы, полузакрыв затуманенные страстью глаза, она плясала в жалком вертепе, на убогом ковре, при свете чадающего фитиля — такая пылкая, томная и гибкая, что от зависти побледнела бы сама Клеопатра. Я любил ее варварские пляски, ее песни, гортанные и в то же время ласкавшие слух, запах фимиама, исходивший от нее, дремоту, в которой она, казалось, жила. Я повсюду следовал за ней, смешиваясь с толпой солдат, фигляров, откупщиков, которыми она всегда была окружена. Потом она вдруг исчезла, и больше я ее не видел. Долго я разыскивал ее по грязным закоулкам и в тавернах. От нее было труднее отвыкнуть, чем от греческого вина. Прошло несколько месяцев — и я случайно узнал, что она присоединилась к кучке мужчин и женщин, последователей молодого галилейского чудотворца. Звали его Иисус Назарянин²⁴. Потом за какое-то преступление его распяли на кресте. Понтий, помнишь ты этого человека?

Понтий Пилат нахмурился и поднес руку ко лбу жестом человека, роющегося в памяти. После нескольких секунд молчания он произнес:

— Иисус? Иисус Назарянин? Нет, что-то не помню.

Примечания:

Анатоль Франс. Прокуратор Иудеи. Новелла, Париж, 1891, из сборника «Колодец святой Клары», Париж, 1895.

Опубликовано по изданию: Франс А. *Избранные рассказы*. Л., 1959.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)

²⁴ Иисус Назарянин — в последнем издании новеллы А. Франс написал: «Иисус Назарей» и добавил такое замечание: «Иисус называл себя „Назореем“, то есть святым. В предыдущих изданиях говорилось: Иисусом из Назарета (то есть Назарянином. — *Прим. сост.*), но, кажется, в первом веке нашей эры такого города не было» Цит. по кн.: Франс А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 2, пер. Н. Яковлевой). Современный итальянский ученый А. Дониини высказывает аналогичное соображение, опираясь на факт, что город Назарет не упоминается ни одним иудейским автором ранее IX века нашей эры. Он пишет: «Весьма похоже, что Назарет как родина Иисуса был „изобретен“ на основе ложной этимологии слова „назарянин“ (или, „назорей“), которое означает некую местную секту, „чистых“ и „аскетов“». (Цит. по кн.: Дониини А. У истоков христианства. М., 1979, с. 20.)